

В. А. Бурнаков, Д. Ц. Цыденова

Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: venariy@ngs.ru

СОЛНЦЕ В ТРАДИЦИОННОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ ХАКАСОВ (КОНЕЦ XIX – СЕРЕДИНА XX ВЕКА) *

Статья посвящена реконструкции мифологических воззрений хакасов. Жизнь человека традиционного общества была полностью зависима от окружающей его природы. На протяжении тысячелетий путем эмпирического опыта он сумел адаптироваться к различным внешним условиям. В этом процессе большое значение придавалось наблюдениям над многими природными объектами и явлениями. Среди них ключевое значение придавалось Солнцу. Оно является естественным источником света и тепла. Солнце выступало основным мерилем пространства и времени. Люди были убеждены, что весь уклад жизни на Земле основывается на ритмах движения Солнца. С солнечным циклом соотносили хозяйственную и иную деятельность. Рациональные воззрения о нем были неотделимы от иррациональных. Этот космический объект воспринимался в качестве живого существа, наделенного высшей сакральной силой. Образ светила связывался с общими представлениями о плодородии, процветании и гармонии. Это способствовало регулярному поклонению ему. Верили в вездесущность и постоянство Солнца. Оно оказало решающее влияние на формирование обрядовой практики, связанной с воззрениями о жизни и смерти человека, душе, судьбе, богатстве, правосудии и др. Все это предопределило высокий знаковый и функциональный статус Солнца и его образа в культуре хакасов.

Ключевые слова: хакасы, верования, миф, обряд, Солнце, Луна, человек, пространство, время, шаманизм, души, судьба.

Современные тенденции в этносоциальных процессах у народов Сибири, и хакасов в частности, характеризуются, с одной стороны, всеобщей унификацией культуры и, как следствие, утратой многих ее компонентов, с другой же – активными устремлениями этнических сообществ к сохранению своей этнокультурной идентичности и, как результат, появлением феномена неотрадиционализма, т. е. обращения к константам традиционной культуры с учетом духовных

ценностей народа и современных требований жизни. Объективное осмысление данных процессов не представляется возможным без целостного комплексного изучения традиционной системы взглядов на мир, общество и человека. основополагающими в мировоззрении народа являются его представления об окружающих человека природных объектах и явлениях. Ключевое место в них занимало Солнце. Отсутствие научных работ, посвященных изучению ре-

* Работа выполнена в рамках проектов: X.100.3.3. Традиционное мировоззрение коренных народов Южной Сибири во взаимодействии с мировыми, национальными и новыми религиями: способы устойчивости, пути изменений (XX – начало XXI в.), НИР 6.2069.2011 «Развитие механизма интеграции фундаментальных исследований и образовательной деятельности по археологии и этнографии Северной Азии в рамках совместного Научно-образовательного центра Новосибирского национального исследовательского государственного университета и Института археологии и этнографии СО РАН» и НИР 6.1541.2011 «Особенности этнодемографических процессов в Сибири в эпоху палеометалла».

лигиозно-мифологических представлений хакасов о Солнце, определяет новизну данного исследования.

Целью работы является определение мифоритуального комплекса хакасов, связанного с Солнцем. Исходя из этого, необходимо решить задачи выявления роли Солнца в формировании воззрений о пространстве и времени, жизненных силах, плодородии, высшей справедливости в мифологии и обрядовых практиках, установить их значимость в соционормативной сфере. Хронологические рамки работы охватывают конец XIX – середину XX в. Выбор таких временных границ вызван, прежде всего, состоянием источниковой базы по теме исследования. Работа базируется на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого. Методика исследования основана на историко-этнографических методах – научного описания, конкретно-исторического анализа, сравнительно-исторического, структурно-семантического и реликта.

Обожествление и почитание Солнца – универсальное культурное явление, присущее практически всем народам на всех этапах их развития. Исследователь сибирских народов Н. С. Щукин в этой связи совершенно верно подметил, что «поклонение Солнцу и прочим светилам небесным началось в глубокой древности и продолжается доньше. Человек убеждается при самом поверхностном размышлении, что Солнце – источник жизни всего земного. Особенно могущество его проявляется в потребностях народов пастушеских. Трава, исключительная пища домашних животных, безусловно, зависит от великолепного светила дня» [1846. С. 42]. Данные реалии в полной мере соответствуют традиционному быту и культуре хакасов. Мысль об исключительной роли светила в жизни растений, как всего остального, ярко проявляется в следующей народной поговорке: «*Чахсы кўннің харагы чазыдагы отты өскірче*» ‘Весеннее солнце и степную траву выращивает’¹ [Мудрое слово, 1976. С. 38].

Археологические исследования свидетельствуют о том, что предки хакасов уже в VIII в. н. э. сооружали на территории Хакасско-Минусинской котловины специальные храмовые комплексы, посвященные небес-

ным светилам, в том числе и Солнцу [Кызласов, 1999. С. 15–41]. Одно из ранних письменных подтверждений бытования культа Солнца у хакасов обнаруживается в русских документах XVII в. Так, в «Сказке Красноярского сына боярского Ивана Навиошниковова с товарищи» (1630-е гг.) представлена лаконичная характеристика верований этого народа: «А веру имеют: они почитают на небе бога и кланяются небу и солнцу и месяцу» (цит. по: [Потапов, 1957. С. 181]). Упоминание о почитании Солнца встречается в материалах князя Н. А. Кострова, изучавшего культуру хакасов и при этом отмечавшего, что «татары поклонялись: огню, солнцу, горам и высоким скалам» [1884. С. 226]. Сведения о солярном культе этого народа представил и К. Риттер. Автор, опираясь на материалы И. П. Фалька, указывал на одно из сакральных мест Хакасии, где осуществлялось поклонение светилу: «Уленны-Сын <...> называется Поклонною горою, потому что каждый язычник, поклоняясь здесь солнцу, приносит в жертву ветвь, которых накопилось там уже большие кучи» [Риттер, 1860. С. 508]. Сакрализация Солнца у хакасов была отмечена известным исследователем и путешественником П. С. Палласом. Ученый, описывая их ритуальную практику, обратил внимание на то, что «доброму богу молятся они с обращенным к востоку лицом» [1786. С. 464]. Следует отметить, что ориентация хакасов, как и других тюркских народов, лицом на восток во время ритуалов известна с древнейших времен. Движение по Солнцу соблюдалось при различных обрядовых и социальных действиях [Стеблева, 1972. С. 224]. В тюркской модели мира восток наделялся положительными качествами. Он соотносился с началом пространства и времени, местом и временем восхода Солнца. Восток становился в ритуале точкой отсчета при «создании» мира [Традиционное мировоззрение..., 1988. С. 25, 42]. Идея религиозного почитания Солнца у хакасов представлена и в материалах В. Я. Бутанаева. Исследователь сообщает, что в прошлом они каждое утро при восходе светила ему кланялись, обращаясь со словами: «*Чаяным осхас чарых кяним!*» ‘Богоподобное мое светлое солнце!’ [2003. С. 45].

По традиционным хакасским нормам, было принято вставать с рассветом. Считалось, что тот человек, который встретит в

¹ Перевод наш. – В. Б., Д. Ц.

бодрствующем состоянии первые лучи солнца, становится «*iki ülüstiġ*» – букв. ‘с двумя долями’, т. е. дважды счастливым. Эта ментальная установка нашла отражение и в народных пословицах: «*иртечил iki ülüstiġ, чадынныг чарым ülüstiġ*» – букв. ‘рано встающий имеет две доли, лежебока – половину доли (т. е. кто рано встает, тому Бог дает)’ [Бутанаев, 1999. С. 167], «*иртечи кизи – iki ülüstiġ, уйгучы – бир ülüstiġ*» – «букв. рано встающий имеет две доли, соня – одну долю» [Хакасско-русский словарь, 2006. С. 752]. Данная норма нашла отражение и в эпическом творчестве народа, где, например, делается акцент на такой важнейшей черте, характеризующей трудолюбивую и ответственную женщину-хозяйку, как ее умение вставать до восхода солнца:

«Адар таң атханда,
Арыг күн сыххан.
Пичен Арыг тур килзе,
Ичен Арыг хачан-пурун тур парған,
Алтын столда ас-суу
Пулаза-сазыза турадыр»

‘Заря, что должна наступить, наступила,
Ясное солнце взошло.
Встает Пичен-Арыг,
А Ичен-Арыг уж давным-давно на ногах,
На золотом столе
Яства аромат источают’
[Алтын-Арыг, 1988. С. 32, 274].

«Атар таңы атханда,
Арыг күннің харағы сыххан,
Хан Мирген тур килзе,
Хыс Ханның прай нимезі пилен.
Арығланып, сілігленіп, ир чаксы
Алтын стол кистіне одырыбысхан»

‘Когда рассвет наступил,
Чистый лик солнца выглянул,
Когда Хан-Мирген встал,
У Хыс-Хан все готово.
Умывшись, прихорошившись,
достойный муж
За золотой стол сел’
[Хакасский героический эпос..., 1997.
С. 82–85].

В традиционном мировоззрении хакасов Солнце (хак. *күн*) отождествляется с высшим божеством – главным источником жизни, света и тепла. Оно считается защит-

ником человека и его души. При этом словом *күн* обозначали не только светило, но и день, и даже саму жизнь человека. В этой связи большой интерес представляют этнографические материалы Н. Ф. Катанова, в которых имеется запись – рассуждения пожилого хакаса о глобальном значении Солнца в жизни людей: «Если бы не было солнечного света, ни солнечной теплоты, то мы умерли бы все» [1907. С. 193]. Факт абсолютной зависимости жизни человека от небесных святил и даже идентификация с ними широко представлены в фольклоре. В нем обычные люди называются «*айлыг-күннің чон*» – букв. ‘имеющие Луну и Солнце’, а горные духи – «*айы-күні чох чон*» – ‘народ, не имеющий Луны и Солнца’ [Бутанаев, Монгуш, 2005. С. 40]. Стоит добавить, что в хакасском языке одним из значений слова *күн* было ‘народ, община’ (*аал-күн*) [Бутанаев 1999. С. 55]. При этом свет, исходящий от Солнца, являлся не просто атрибутом людей Среднего мира, а мыслился качеством, дарованным им от рождения [Традиционное мировоззрение..., 1989. С. 97]. Эта идея ярко проявляется в хакасском языке и мифопоэтике, где простой смертный называется не иначе, как «*күннің кизи*» – букв. ‘солнечный человек’, а мужчины иносказательно именуются, как *ир күні* – букв. ‘мужи солнца’ [Бутанаев, 1999. С. 55]. В представлениях народа эпитет «солнечный» был равнозначен понятию «живой», «видимый». Традиционное выражение «*күн көр*» – букв. ‘видеть солнце’ означает – жить, существовать [Баскаков, Инкижекова-Грекул, 1953. С. 96]. Метафорой хорошей жизни и гармоничных отношений в семье опять-таки выступает светило. Так, в фольклоре приводится сюжет, в котором герои, выясняя отношения между собой, используют соответствующий образ: «Нельзя же жить супругами, не видя солнца, не умея общаться меж собой» [Три сестры..., 1991. С. 179].

Понятие «*күннің чир*» ‘солнечная земля’ подразумевало ойкумену, противостоящую инобытию. Загробный мир обозначается, как «*күні чох чир*» – букв. ‘земля без солнца’ [Бутанаев, 1999. С. 55]. В богатырском сказании «Ай-Хуучин» в этой связи приводятся сюжеты, согласно которым умерший человек со временем теряет главное качество живого – возможность видеть солнце (небо) и при этом быть видимым:

«Чадагайда чырғалым,
Чача кізі, чат халды,
Чарых тигірдің чарығын
Чідірібістім, чача кізі»

«Мое блаженство на просторе земли,
Старшая сестра, кончилось,
Света ясного неба,
Старшая сестра, я лишился»
[Хакасский героический эпос..., 1997.
С. 384–385].

«Чирдің үстүнде чөргенде,
Күнніңөк чаксы полгабын.
Чир алтына түскенде,
Көрінмеске саннығ полдым»

«Пока на земле ходил,
Тоже достойным был [человеком]
из солнечного мира,
Когда в подземный мир спустился,
Считаться невидимым [айна²] стал»
[Там же. С. 244–245].

Данные архаические воззрения, по всей видимости, своими корнями уходят в древнетюркское время и продолжают традицию енисейских эпитафий, где, например, сообщается следующее: «Я стал не ощущать солнце и луну на голубом небе, горюя, от вас моих и от земли моей я отделился (т. е. умер)» [Малов, 1952; Стеблева, 1972. С. 225]. Отсутствие света и слепота рассматривались как знак иного, загробного существования – незрячий человек как бы погружался в вечный мрак инобытия. В традиционном сознании бытовало убеждение в том, что для глаз обитателей потустороннего мира «блеск солнца болезненно невыносим» [Шаманство и шаманы, 1871. С. 59]. В героическом сказании «Немой богатырь Хан Мирген» приводится сюжет, согласно которому владыка Нижнего мира Эрлик-хан мотивирует свое нежелание выйти днем на поверхность земли тем, что его «ослепляет солнечный свет» [Немой богатырь..., 1991. С. 221]. Мир людей, таким образом, является пространством, освещаемым Солнцем и Луной. Данная мысль постоянно подчеркивается в фольклоре.

«Айның алты чирді
Алты айландырдым, Көгіл Арығ.

Күннің алты чирді
Көп ибір килеедім»

«Мир, [лежащий] под луною,
Я шесть раз обошла, Кёгил-Арығ,
Мир, [лежащий] под солнцем,
Много раз исходила»
[Алтын-Арығ, 1988. С. 51, 293].

«Айның алтын айландырчатса,
Ат соона халбас хан поэрах ат,
Ада чуртың сагын паратса
Ала хулазы ізестіг,
Күннің алтын ибір парза
Күлүкке тастатпас Хан Мирген»

Землю под луной объезжая,
От других коней Кроваво-рыжий конь
не отстанет,
Если чурт³ отца беспокоить [начнут],
Пего-саврасый у него надежный,
Землю под солнцем объезжая,

Храбрец Хан-Мирген не поддастся»
[Хакасский героический эпос ..., 1997.
С. 184–185].

В героической эпике понятие «күннің чир» – ‘солнечная земля’ помимо всего прочего является еще и древним народно-поэтическим обозначением своей земли, Родины – Хакасии [Там же. С. 438].

В традиционной культуре солнце выступало одним из главнейших ориентиров в пространстве. Данная реальность нашла отражение в фольклоре. Так эпические герои в поисках невесты чаще отправляются в сторону восхода солнца (*күн сыгызын көре*) [Там же. С. 437]. В сознании народа слово «восток» (*іскер*), как уже отмечалось, ассоциировалось с понятием светлого, доброго, успешного, счастливого, благодного и т. д. Например, этот термин употребляется хакасами в таких словосочетаниях, как «*іскер сагыс*» ‘здравая мысль’, «*іскер көрген пала*» ‘одаренный ребенок’ [Хакасско-русский словарь, 2006. С. 146], «*ага іскер полбан*» ‘ему не повезло (не посчастливилось)’ букв. ‘ему не было востока’; «*іскер парбан*» ‘он остался неучем’, букв. ‘он не пошел на восток’ [Традиционное мировоззрение..., 1988. С. 42]. В хакасской мифопоэтике понятие «юг» (*үстүнзарых*) обозначается выраже-

² Злой дух.

³ Владения.

ниями: «*күн алты*» – букв. ‘низ солнца’ [Хакасско-русский словарь, 2006. С. 215], «*күн тузы*» ‘солнечная сторона’ [Бутанаев, 1999. С. 55], «*күн күнөртүзін көре*» – букв. ‘сторона полуденного солнца’. Это направление, подобно востоку, наделялось положительными характеристиками. Оно считалось, «находящимся в пределах солнечной земли, родины героев» [Хакасский героический эпос..., 1997. С. 448]. Север (*алтынзари*) в хакасском языке обозначается как «*күн тогыры*» – букв. ‘поперек солнца’, [Хакасско-русский словарь, 2006. С. 215], «*күн өксізі*» – букв. ‘сирота солнца’ [Бутанаев, 1999. С. 55]. В традиционном мировоззрении тюрков Южной Сибири север в полной мере тождественен понятию «*тискер*» – ‘движение вспять’. Оно соотносится с Нижним миром и в фольклоре характеризуется такими значениями, как ‘неправильный’, ‘обратный’, ‘наоборот’. В производных от *тискер* словах и сочетаниях раскрывается значение севера как неправильной, искаженной, противоположной югу страны, где все наизнанку [Традиционное мировоззрение..., 1988. С. 44]. Запад (*кидер*) у хакасов называется «*күн кірізі*» – букв. ‘заход солнца’ [Бутанаев, 1999. С. 55] или «*күн кірізін көре*» ‘сторона заката солнца’ и ассоциируется с угасанием светила. В устном народном творчестве с западом отождествляется земля врагов, в том числе существ демонического происхождения [Хакасский героический эпос..., 1997. С. 434].

Широко распространенная среди хакасов традиция обожествления Солнца, подвергнутая влиянию христианства, была зафиксирована и в полевых этнографических исследованиях М. С. Усмановой. В ходе опросов ее информанты – преимущественно старики, отмечали ключевую роль солнца в мифоритуальном комплексе хакасов: «В древности и сейчас солнце считается самым великим. Без солнца нет жизни. На праздники, особенно на Пасху, выходили на гору. Смотрели, как солнце восходит. Солнце, как будто любит на все»⁴. «Мой дед рассказывал, что шухтели (проводили обряд. – В. Б., Д. Ц.) также солнцу. На солнце молились, земле также кланялись. Солнышку молились летом по праздникам: на теплую Пасху (на природе. – В. Б., Д. Ц.), если холодная, то дома молились. Это ранешний

обычай. Солнышку кланялись»⁵. «Солнцу кланялись на первый день Пасхи. На Большую гору ходили все, кто хочет. Кто как сумеет, так и кланялся. Богу молятся. Кун харагы (солнце) просят, чтобы дольше жить»⁶. «И раньше, и сейчас мы молимся на солнышко. Я встану утром, поем, потом выйду, поклонюсь солнцу и говорю: “Господи, помилуй, Иисус Христос, воскрес!”»⁷. «Кудай есть, ему крестимся. Утром на солнце всегда крестимся»⁸.

В хакасской, как и в целом в тюркской, архаической символике солнце чаще связывалось с женским началом [Традиционное мировоззрение..., 1988. С. 35]. К данной мысли в свое время пришел Н. Н. Козьмин, изучавший историю и культуру хакасов и других тюрко-монгольских народов. Он констатировал, что «религиозный порыв поднимал человека к освященным ярким солнечным светом горным вершинам и к самому живительному источнику света и тепла – Матери Солнцу» [1916. С. 104]. В этой связи совершенно не случайно, что в хакасском фольклоре представлен столь значимый положительный персонаж, как «Мать солнца», изображаемый в виде пожилой женщины [Хакасские сказки, 1986. С. 292–296]. О женской ипостаси солнца в мировоззрении и фольклоре хакасов сообщает и М. Александров: «Солнце и луна описаны в сказке об Алтын-пыркан (Золотой идол) как существа, одаренные божественной силой, между прочим, оживляющей мертвых <...>. Существа эти женские» [1888. С. 157]. Ассоциация солнца с образом женщины-матери выявляется и в народной загадке о восходящем солнце: «Вставши утром, я не мог отворить шкатулки своей матери» [Катанов, 1907. С. 255]. Женская природа солнца представлена и в обрядовой поэзии тюркских шаманов. В процессе камлания они обращались к этому сакральному объекту со следующими словами:

«Услышь мою мольбу, мою просьбу,
Мать-Солнце, здесь живущая!

Услышать мою просьбу, мою молитву!»

[Радлов, 1989. С. 394].

Следует отметить, что тюрки Южной Сибири, как правило, обращались к свети-

⁴ Архив МАЭС ТГУ. № 677-6. Тетрадь № 6. Л. 3 об.

⁵ Там же. № 677-13. Тетрадь № 13. Л. 5.

⁶ Там же. № 678-1. Л. 51.

⁷ Там же. № 682-3. Л. 13.

⁸ Там же. Л. 57.

лам со словами: «Э, Кайракан, Күн Энэ! Э, Кайракан, Ай Ада!» ‘О, Всевышнее Солнце-Мать! О, Всевышний Месяц-Отец!’⁹ [Потанин, 2005. С. 191]. Солнце как олицетворение материнского начала и его производное – луч (*күн сузы*), неразрывно связаны с идеей души (зародыша) человека. Последний же порой отождествляется с нею. Верили, что высшие силы посылают женщине душу будущего ребенка в виде луча. Считалось, что он, проходя через дымовое отверстие юрты – *түнүк*, и попадая в тело женщины, способствовал зачатию. В хакасской традиции совершенно не случайно супружеское ложе располагалось в юрте таким образом, чтобы на него падали лучи солнца [Бутанаев, 1987. С. 181]. Очевидно, что в мифологическом сознании традиционный интерьер юрты, помимо утилитарной детерминированности, реализовывал собой концепцию жизни и был направлен на культ плодородия. В связи с этим определенный сакральный смысл обнаруживается и в устоявшихся правилах народа сооружать вход в юрту со стороны восхода солнца. Стоит добавить, что в хакасском языке выражение «*күн алынарга*» (жить благополучно) имеет непосредственную семиотическую связь с идеей оплодотворения и зарождения жизни. Оно полностью соответствует представлениям о беременности женщины (самки животного). Подобное состояние в народной речи передается словами «*төл алынарга*» [Хакасско-русский словарь, 2006. С. 59, 215].

Реликты представлений о «душе – солнечном луче» обнаруживаются в хакасской мифопоэтике. Эта мысль наиболее ярко представлена в таком образном выражении, как «*чаанымның салыхас сузы*» ‘неугасимый луч моей души’ [Бутанаев, 1999. С. 122]. Очевидно, что в основе мифопоэтической концепции луча – «зародыша», лежало осознание животворной роли тепла и света [Традиционное мировоззрение..., 1989. С. 103]. Кроме того, в традиционном мироощущении солнце и луна – мерила времени. Так, хакасы определяли срок беременности женщины в «восемь солнечных месяцев» [Кон, 1900. С. 58]. Говоря же о женщине, у которой наступил срок родов, хакасы употребляли выражение «*айы-күннi читкен*» – букв. ‘наступили месяц-солнце /

день’ [Традиционное мировоззрение..., 1988. С. 34–35].

С образом солнца, как видим, связывалась идея плодородия, обилия и богатства. Благотворные ритуалы всегда совершались по движению этого небесного объекта [Майнагашев, 1916. С. 97; Потапов, 1958. С. 318; Стеблева, 1972. С. 224]. Данные воззрения закономерно выявляются в обрядах жизненного цикла хакасов. Так, в ходе свадебной церемонии проводился специальный обряд «*күнге-айга пазыртханы*» ‘поклонение солнцу и луне’. Этот обряд у хакасов одним из первых зафиксировал и описал выдающийся ученый Г. Ф. Миллер. Исследователь сообщал: «Свахи, отправляются к невесте, заплетают ей волосы в две косы, надевают ей *Schigedek* и затем ведут ее к отцу жениха. Она при этом идет, согнувшись, опираясь на спину одной из своих свах, и еще закрывает голову платком, чтобы свекор не мог ее видеть. Когда она приходит к юрте свекра, там снаружи перед дверью бывает разостлан войлок; она на нем, рядом со свахой, трижды кланяется на восход солнца. А когда она появляется перед свекром, то снова кланяется трижды ему, и точно так же свекрови. Свекор желает ей счастья, призывает ее ко всему доброму и одаряет какой-либо скотиной» [2009. С. 365–366]. Упоминание об обряде «*күнге-айга пазыртханы*» представлено Е. К. Яковлевым, сообщавшим, что молодожены «молятся солнцу и месяцу, а затем заходят в юрту будущего свекра» [1900. С. 84]. Описание ритуала почитания хакасскими молодоженами солнца встречаем и у Н. А. Кострова: «На другой день после того, как молодые остались одни, в их юрту на заре приходила одна из родственниц молодого и выводила молодую на поклонение солнцу (куньге-баджир). Обряд этот заключался в том, что на нее накидывали покрывало, под которым она, склоняясь как можно ниже, должна была ходить за своею путеводительницею по всем родным и, проходя из юрты в юрту, кланяться солнцу» [1853. С. 31]. При этом автор, ссылаясь на материалы востоковеда И. Н. Березина, заостряет внимание на сходстве описанного обрядового действия хакасов с религиозными воззрениями иранцев. Н. Костров в этой связи пишет, что сам обряд «разительно напоминает то уважение, которое в Персии питают женщины к солнцу <...> и доньне

⁹ Перевод уточнен нами. – В. Б., Д. Ц.

женщины приписывают таинственную силу солнечному свету и думают, что с помощью известных заклинаний и обрядов, солнечный луч может развить плодородие в не имеющей детей замужней женщине» [Костров, 1853. С. 31].

Сведения о почитании солнца во время хакасской свадьбы удалось обнаружить среди архивных материалов Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета и нам: «Свадьба идет, молодых выводили на улицу, стелили белый потник, ставили молодых на потник. Накрывали им головы одним шелковым платком и водили по кругу по потнику, как только они поворачивались к солнцу, то кланялись в пояс. Водила их женщина из жениховой родни»¹⁰. «Невесту с женихом выводили из юрты. Ставили на колени на белый потник лицом к солнцу и заставляли молиться»¹¹. «Выносят потник. Ставят на колени молодых. Закрывают головы платком и на солнце кланяются три раза и ведут в избу»¹². «Когда заплели две косы, то надевали шелковый платок. Потом с женихом кланялись солнцу один раз»¹³. «Невеста кланяется солнцу. Она при этом вся закрыта. Никто не видит ее лица»¹⁴. «Жениха и невесту из юрты выводил дедушка жениха. Они обходили юрту один раз и кланялись солнцу один раз. Этот обычай назывался кўнге-айга пазыртханы»¹⁵. «Невесту с женихом три раза водили по солнцу вокруг юрты»¹⁶. «У нас невеста три раза кланяется солнцу, обходя юрту»¹⁷. «Когда деваха замуж выходит, их как будто венчают. На них материал кладут. Приводят. И они солнцу кланяются. На свадьбе для молодых клали обрез длиной 6–7 м, чтобы они прошли по нему. Сулили всем счастья»¹⁸. Схожая обрядовая практика имела место и у алтайцев [Вербицкий, 1992. С. 103–105]. Представленный материал позволяет согласиться с выводами исследователей традиционного мировоззрения южносибирских тюрков о том, что «солярная символика свадебного

обряда – лишь частный случай актуализации семантического ряда светила – зачатие – плодородие – жизнь» [Традиционное мировоззрение..., 1989. С. 100].

В мышлении хакасов определение «солнечный(ая)» было связано не только с понятием жизнеутверждающего начала, но и являлось ключевым символом внеземной красоты. «Покланялись солнцу. Если девушка красивая, то говорили – солнцеликая»¹⁹. Светлоликость и солнцелюбовность выступали высшим эталоном красоты и фольклорных героев:

«Алтын-Арыҕ, хыс кізі
Ай чілі чарып килеедір,
Иліг аның сүрмезі,
Иңніне читпин, мондылып одыр,
Изебі чох хыс пала
Кўн чілі чарып килеедір
Сыгар кўннең хыс кізі
Салы ла сыныхча осхас»

«Дева Алтын-Арыг,
Словно луна, светится;
Пятьдесят ее косичек
До плеч не доросли, колышутся,
Могучая девочка
Сияет, словно солнце,
Дева лишь чуть-чуть бледнее
Восходящего солнца»
[Алтын-Арыг, 1988. С. 65–66, 307–308].

«Арыҕ сілігін көрбеен.
Сыгар кўннең хыс кізі
Сыныхча чатчададыр,
Падар айдаң чачазы
Соғлығча чатчадыр»

«Красоты ее [раньше] не видел.
Дева лежит
Чуть бледнее восходящего солнца,
Старшая сестра лежит
Прекрасней, чем убывающая луна»
[Хакасский героический эпос..., 1997.
С. 328–329].

В хакасской традиции в связи с всеобщим почитанием и одухотворением солнца большое распространение получили «солнечные имена». Считалось, что такое имя наделено жизнеутверждающей энергией света, позитивно влияющей на судьбу чело-

¹⁰ Архив МАЭС ТГУ. № 678-1. Л. 40–41.

¹¹ Там же. № 677-4а. Тетрадь 4. Л. 9.

¹² Там же. Л. 13.

¹³ Там же. Л. 15.

¹⁴ Там же. Л. 18.

¹⁵ Там же. Л. 22.

¹⁶ Там же. Л. 26.

¹⁷ Там же. Л. 28.

¹⁸ Там же. № 677-6. Тетрадь № 6. Л. 3 об. – 4.

¹⁹ Там же. № 677-4а. тетрадь № 4. Л. 37.

века. Такие имена шире представлены в героических сказаниях. Их обладатели, как правило, положительные герои женского и мужского пола: *Күн-Арыг*, *Күнари* (букв. Чистое Солнце или Чиста, как Солнце), *Күн-Хан* (букв. Хан-Солнце), *Күн-Төнис-Хан* (букв. Солнечный Строптивный Хан) [Хакасский героический эпос..., 1997. С. 455], *Күн Чарии* (букв. Солнечный Свет / Сияние), *Ай-Күн* (букв. Месяц-Луна), *Күн Тишк* [Хара тораттыг Хара Хан, 2007. С. 34] и др.

Путь солнца, регулярно исчезающего на западе и появляющегося на востоке, не мог интерпретироваться иначе, как умирание, влекущее за собой рождение [Традиционное мировоззрение..., 1988. С. 43]. Закат солнца в хакасской культуре обозначается термином «*хызыл иир*» – букв. ‘красный вечер’. В мироощущении народа данный промежуток времени характеризовался переходом от света к тьме. Подобное лиминальное состояние (термин А. В. Геннепа), как полагали, лишало человека его естественной защиты – солнца. Считалось, что человек и его душа в это пороговое время становились наиболее уязвимыми [Бурнаков, 2006. С. 177, 182]. Людям запрещалось заниматься хозяйственными делами и пр., полагали, что в противном случае они подвергались опасности навлечь на себя беду и даже попасть после смерти в царство Эрлик-хана [Костров, 1884. С. 226]. Так, например, верили, что в подземном мире существовали специальные места, куда по истечении земной жизни отправлялись отбывать наказание нарушившие эту незыблемую норму. В связи с этим Н. Орфеев, описывая воззрения хакасов об инобытии, сообщал: «В первом отделении сидели старухи и пряли лен. Они были осуждены за то, что пряли на земле после солнечного захода, хотя и запрещено заниматься в это время какою бы то ни было работою» [1887. С. 179]. Традиционные взгляды на потенциальную опасность периода захода солнца подтверждаются словами распространенной в народе клятвы: «*Хызыл иирде хызыл тынным хый-ылзын*» ‘На закате пусть моя красная душа оборвется’ [Бутанаев, 1999. С. 199].

В миропонимании хакасов затмение солнца (хак. *күн өлгөні*) осмыслялось как смерть светила. В сознании верующих данное природное явление осознавалось самым большим бедствием, по своим масштабам и последствиям сопоставимым с «вселенской

трагедией». В этой связи большой интерес представляют наблюдения И. Каратанова, убедительно описавшего восприятие всей опасности, исходящей от этого природного явления: «Инородцы выходят из своих юрт, бьют в доски, заслонки, чугунные и железные горшки и сковороды, с криком и телодвижениями упрашивают духа тьмы, захватившего в лапы луну или солнце и старающегося утащить их в преисподнюю, чтобы лишить света Божьего людей. Шаманы же в это время шаманят до тех пор, пока не окончится затмение. Затмения солнца и луны, а также появление комет на инородцев наводят панический страх. При затмениях они трепещут, а женщины режут и плачут до изнеможения» [1884. С. 21]. Аналогичные поверья бытовали и у алтайцев [Потанин, 2005. С. 191].

В мифологическом сознании хакасов причины затмения небесных светил, как видно из представленного материала, объяснялись их похищением нечистой силой (Эрлик-ханом или Чельбигеном), а иногда и зловредным воздействием колдунов и «русских шаманов» [Попов, 1884. С. 34; Потанин, 2005. С. 191]. В устном народном творчестве хакасов представлено несколько вариантов мифа, посвященных теме «спасения солнца и луны» [Там же. С. 37; Дыренкова, 1929. С. 123]. Согласно одному из них, владыка Нижнего мира *Эрлик-хан* стал претендовать на эти светила и уже был готов забрать их себе. И только благодаря хитроумности птицы коростель (хак. *таарт, тер ахсах*) удалось сохранить солнце и луну. По ее совету, Бог (*Худай, Чалгыс Чайаан*) должен был согласиться отдать указанные объекты, но при условии, что в обмен *Эрлик-хан* должен поймать и принести ему эхо горы (*тагдың яңы*) и небесное марево (*өрке оды*). Задание было заведомо невыполнимым, в результате чего удалось сохранить небесные светила²⁰.

В хакасской культуре Солнце, наряду с Небом и Худаем (Богом), выступало символом высшей справедливости и беспристрастности. Стоит обратить внимание на то, что вторым часто встречающимся названием солнца у хакасов было «*күн харагы*» – букв. ‘солнечный глаз’. В мировоззрении народа оно воспринималось в качестве

²⁰ Архив МАЭ РАН (Кунсткамера). Ф. 5. Оп. 6. Д. 20. Л. 60–72.

«всевидающего ока», которое на протяжении всего светового периода неустанно и бдительно следило за жизнью и порядком на земле. Так, в героических сказаниях в отношении солнца применяется эпитет «всевидающее»: «Диск солнца, что [по небу] бежит и [все] видит» (*Körin oylaan kün harağy*) [Алтын Арыг, 1988. С. 18, 260]. Реликты этих воззрений широко представлены в фольклоре. Там фигурирует волшебный предмет «*kün köstik*» – букв. ‘имеющий глаз-солнце’ – магическое зеркало или очки, посредством которых герои обозревают происходящие во Вселенной события [Хакасский героический эпос..., 1997. С. 328–329; Бутанаев, 1999. С. 53; Хакасско-русский словарь, 2006. С. 208].

Мысль о солнце как «всезнающем оке» и высшей карающей силе воплотилась в морали и соционормативной практике хакасов. В прошлом светила являлись важнейшим объектом клятвы. Н. Ф. Катанов приводит предание о бельтырах (*nyltir* – этнолокальная группа хакасов), в котором герой клялся перед этими небесными телами: «Тогда еще Бога (Кудай) не знали, и потому он поклялся луною и солнцем» [1907. С. 330]. Подобные же сведения представил и Н. С. Щукин, сообщавший, что «при божбе и клятве глядят на солнце, как бы свидетельствуются им» [1846. С. 43]. Енисейский губернатор А. П. Степанов также отметил у хакасов данный обычай: «Присяга у язычников производится подниманием к небесам рук» [1997. С. 170].

У хакасов в прошлом, по нормам обычного права, чтобы подтвердить вину / невиновность человека практиковались следующие ритуальные действия. На восходе солнца собирался сход. Подозреваемого ставили лицом на восток и обязывали произнести присягу: «Если я говорю неправду, то пусть Кудай не даст мне увидеть заката солнца (кюн карагы)» [Костров, 1852. С. 57]. Считалось, что если будешь обманывать, то ослепнешь [Бутанаев, 2003. С. 159]. Стоит добавить, что на исключительную честность как национальную черту хакасов в прошлом неоднократно обращали внимание исследователи XIX в. [Костров, 1852; Корнилов, 1854; Клеменц, 1886]. Очевидно, что не последнюю роль в формировании данной черты характера и в целом менталитета народа, играл культ солнца (неба). У хакасов одним из самых страшных проклятий считался

«обряд на солнце». Обычно он совершался женщинами в различных жизненных ситуациях. «Вот когда-нибудь кто плохо скажет или обидит, его проклинают. Руки вверх поднимали. У одной старухи украли коня. Она на солнце встала. Руки подняла. Потом три раза в ладошки хлопнет и на солнце молится – проклинает. Она утром это делала, на солнышко»; «Женщины, когда проклинают кого-нибудь, кланяются солнцу, подстилая впереди подол»²¹.

В традиционном сознании полная или частичная потеря зрения могла восприниматься в качестве наказания со стороны «высших сил» за неблагоприятные поступки, в том числе и святотатство. Исследователь И. Корнилов в своих материалах приводил нравоучительный рассказ о трех русских «курганщиках из Ужура», которые с целью добычи богатства вскрыли древнее захоронение и, как полагали хакасы, получили за это соответствующее наказание. «Раскапывая в окрестностях селения один из самых больших маяков, они ударили заступами в деревянный щит; разобрав доски, курганщики спустились в подземную юрту и увидели человека, сидевшего на большом, окованном медью сундуке; по стенам юрты, на полочках, красовалась домашняя утварь золотая и серебряная. У мужиков разбежались глаза; но едва коснулись они большого сундука – вдруг ослепли, и с трудом, помогая друг другу, отыскивали выход и выбрались из юрты; тогда зрение их возвратилось, но юрта и таинственный человек исчезли» [1854. С. 629–630]. В мировоззрении хакасов отсутствие способности видеть свет солнца и луны, таким образом, являлось одним из суровых наказаний в жизни людей. О тяжелых испытаниях, выпавших на долю человека, традиционно говорили: «*it айагынаң ас чідім, іңе көзінең күн көрдім*» ‘я ел пищу из собачьей чашки, я видел солнце через игольное ушко’ [Катанов, 1907. С. 217; Бутанаев, Бутанаева, 2008. С. 262, 281]. Данная мысль получила свое развитие и в эпическом творчестве этого народа. Верховное божество *Обркі Чайаан* наказывает богатыря Хатыг-Молата за его провинность погружением во тьму:

²¹ Архив МАЭС ТГУ. № 677-13. Тетрадь № 13. Л. 6, 61–62.

«От животворного солнца, от лунного
 света
 Хатыг-Молата с этой поры отлучаю,
 В сумерках вечных страдать-тосковать
 обрекаю
 И нерушимым заклатьем его заклинаю!
 Сорок безрадостных лет
 Друг за другом пройдет
 Прежде, чем солнце
 Опять для алыпа взойдет», –
 Так мне назначил,
 Обманутый злобным наветом,
 Проклял, поверивший несправедливым
 упрекам,
 Старший Чаян, обитающий в небе
 высоком»
 [Баинов, 2007. С. 52].

В представлениях хакасов лишение света воспринималась как знак иного, загробного существования – незрячий человек как бы погружался в вечный мрак инобытия. В тюркской культуре Нижний мир осознавался пространством, «куда не проникают лучи солнца и луны» [Потапов, 1991. С. 143], либо их воздействие было самым минимальным. Согласно хакасской традиции, перед погребением умершего открывали крышку гроба и говорили: «Последний раз тебе светит солнце»²². По мнению верующих, покойник таким образом «прощается» с солнцем. В этой связи следует привести еще один пример, демонстрирующий факт особого почитания хакасами солнца. В процессе заготовки дров, дерево срубалось таким образом, чтобы оно падало по направлению к солнцу. Считалось, что оно таким образом «прощается» со светилом. Рубка деревьев после захода солнца запрещалась [Бурнаков, 2006. С. 18]. Стоит отметить, что в мифологическом сознании хакасов дерево воспринималось в качестве символа человека. По этому поводу в народе говорили: «*Агас-кізі чулазының ибі*» 'Дерево – это дом человеческой души'. Каждый род имел свою породу деревьев, которые отождествлялись с тотемами. Такие деревья назывались «*сёёк чулазы*» 'родовая душа' или «*агас сёёгі*» 'древесный род' [Бутанаев, Монгуш, 2005. С. 24]. В хакасской культуре кладбища, как правило, располагались на склоне горы. Данная локализация имела

много смыслов, одним из которых являлось то, «чтобы им солнце светило»²³.

Поскольку образ солнца, его движение имели огромное значение в мифоритуальной практике хакасских шаманов, а важнейшим элементом шаманской обрядности был обход по солнцу вокруг священных объектов (будь то огонь, береза, камень и др.), то очевидно, что и шаманский бубен своей формой в определенной степени мог отождествляться со светилами (небом / Вселенной). Практически на каждом бубне имелись их изображения [Кропоткин, 1895. С. 39; Суховской, 1901. С. 3; Потапов, 1981. С. 135].

Подводя итоги рассмотрения представленных сведений, можно сделать вывод о том, что в традиционной культуре хакасов образ солнца занимал одно из ключевых мест. Солнце выступало основным мерилем пространства и времени. Оно было ярким символом жизни и гармонии, олицетворяло материнское начало. С ним связывался круг представлений о душе, счастье, плодородии, богатстве, долголетию и т. д. С этим светилом связаны представления о высшей справедливости и воздаянии. Данные идеи находили свое воплощение в хакасской обрядности, в том числе и в ритуалах жизненного цикла.

Список литературы

- Александров М.* О религиозном мировоззрении Минусинских инородцев // ЕЕВ. 1888. № 12. С. 155–157.
- Алтын-Арыг.* Хакасский героический эпос. М.: Наука, 1988. 592 с.
- Баинов М. Р.* Хан-Тонис на темно-сивом коне. Героическое сказание. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 2007. 387 с.
- Баскаков Н. А., Инкижекова-Грекул А. И.* Хакасско-русский словарь. М.: Главиздат, 1953. 487 с.
- Бурнаков В. А.* Духи Среднего мира в традиционном мировоззрении хакасов. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. 197 с.
- Бутанаев В. Я.* Свадебные обряды хакасов в конце XIX – начале XX в. // Традиционные обряды и искусство русского и ко-

²² Архив МАЭС ТГУ. № 677-13. Тетрадь № 13. Л. 38.

²³ Там же. № 679-3. Л. 2.

ренных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1987. С. 179–193.

Бутанаев В. Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан: Хакасия, 1999. 240 с.

Бутанаев В. Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан, 2003. 260 с.

Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И. Мир хонгорского (хакасского) фольклора. Абакан, 2008. 376 с.

Бутанаев В. Я., Монгуш Ч. В. Архаические обряды и обычаи саянских тюрков. Абакан, 2005. 200 с.

Вербицкий В. И. Алтайские инородцы. Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1992. 270 с.

Дыренкова Н. П. Птица в космогонических представлениях турецких племен // Культура и письменность Востока. Баку, 1929. Вып. 4. С. 119–126.

Каратанов И. Черты внешнего быта качинских татар // Изв. ИРГО. 1884. Т. 20, вып. 6. С. 6–33.

Катанов Н. Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов: образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. В. Радловым. СПб., 1907. Т. 9. 640 с.

Клеменц Д. А. Из поездки в Качинскую степь // ВО. 1886. № 47. С. 10–12.

Козьмин Н. Н. «Чернь»: природа и человек горной тайги // Сибирские записки. 1916. № 3. С. 95–106.

Кон Ф. Я. Беременность, роды и уход за ребенком у качинок // Русский антропологический журнал. 1900. № 4. С. 58–61.

Корнилов И. Воспоминания о Восточной Сибири // Магазин земледения и путешествий. М., 1854. Т. 3. С. 605–644.

Костров Н. А. Качинские татары. Казань: Тип. Губерн. правления, 1852. 66 с.

Костров Н. А. Кизильские татары. Казань, 1853. 38 с.

Костров Н. А. Очерки быта минусинских татар // Тр. IV Археологического съезда. Казань, 1884. Т. 1. С. 208–248.

Кропоткин А. А. Саянский хребет и Минусинский округ // Живописная Россия. СПб.; М., 1895. Т. 12, ч. 1: Восточные окраины России. Восточная Сибирь. С. 19–50.

Кызласов Л. Р. Открытие государственной религии древних хакасов. М.; Абакан: РОСА, 1999. 92 с.

Майнагашев С. Д. Жертвоприношение небу у бельтиров // Сб. МАЭ. Пг., 1916. Т. 3. С. 93–102.

Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков: Тексты и переводы. М.; Л., 1952. 116 с.

Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов. М., 2009. 456 с.

Мудрое слово: Сб. хакасских народных пословиц, поговорок и загадок. Абакан: Хакас. отд-ние Красноярск. кн. изд-ва, 1976. 128 с.

Немой богатырь Хан Мирген // Трояков П. Героический эпос хакасов и проблемы изучения. Абакан, 1991. С. 208–226.

Орфеев Н. Место обитания душ умерших людей – подземное царство; духи, управляющие им и наказания грешников, по сказаниям минусинских инородцев (материалы для изучения инородческих вероучений) // ЕЕВ. 1887. № 15–16. С. 175–181.

Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства. СПб.: Изд-во Имп. Акад. наук, 1786. Кн. 2, ч. 2. 571 с.

Попов Н. Поверья и некоторые обычаи качинских татар // Изв. ИРГО. 1884. Т. 20, вып. 6. С. 34–48.

Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Горно-Алтайск: Ак Чечек, 2005. 1026 с.

Потанов Л. П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1957. 308 с.

Потанов Л. П. К изучению шаманизма у народов Саяно-Алтайского нагорья // Филология и история монгольских народов. М., 1958. С. 314–322.

Потанов Л. П. Шаманский бубен качинцев как уникальный предмет этнографических коллекций // Материальная культура и мифология. Л., 1981. С. 125–137.

Потанов Л. П. Алтайский шаманизм. Л.: Наука, 1991. 321 с.

Радлов В. В. Из Сибири: Страницы дневника. М.: Наука, 1989. 749 с.

Риттер К. Землевладение Азии. СПб.: Тип. В. Безобразова и К., 1860. Т. 3. 572 с.

Стеблева И. В. К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы // Тюркологический сборник – 1971. М., 1972. С. 213–226.

Степанов А. П. Енисейская губерния. Красноярск: Горница, 1997. 224 с.

Суховской В. О шаманстве в Минусинском крае // Изв. ОАИЭ при Казан. Имп. ун-те, 1901. Т. 17. С. 1–9.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск: Наука, 1988. 224 с.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество. Новосибирск: Наука, 1989. 243 с.

Три сестры многострадальные // Трояков П. Героический эпос хакасов и проблемы изучения. Абакан, 1991. С. 165–193.

Хакасские сказки // Сказки народов СССР. М.: Изд-во «Правда», 1986. Т. 2. С. 286–296.

Хакасский героический эпос: Ай-Хуучин. Новосибирск: Наука, 1997. 479 с.

Хакасско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

Хара тораттыг Хара Хан // Хара тораттыг Хара Хан (Хара Хан на темно-гнедом коне). Сборник богатырских сказаний, записанных от К. А. Бастаева. Абакан: Хак. кн. изд-во, 2007. С. 7–77. (на хак. яз.)

Шаманство и шаманы // Нива. 1871. № 4. С. 58–62.

Щукин Н. С. Шаманство у народов Северной Азии. Статья первая // Отдельный оттиск. Прибавление к Журналу Министерства народного просвещения. 1846. № 1. С. 25–44.

Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и Объяснительный каталог этногра-

фического отдела музея. Минусинск: Тип. В. И. Корнакова, 1900. 212 с.

Список источников

Архив МАЭС ТГУ. Фонд № 677-6. Тетрадь № 6 «Этнографическая экспедиция ТГУ. Хакасия: Устинкино, Саможиков. Лето 1972 г.». 11 л.

Архив МАЭС ТГУ. Фонд № 677-4а. Тетрадь № 4 «Этнографическая экспедиция ТГУ. Хакасия. Лето 1972 г.». 41 л.

Архив МАЭС ТГУ. Фонд № 677-13. Тетрадь № 13 «Этнографическая экспедиция ТГУ. Хакасия – Чулым. Лето 1972 г.». 63 л.

Архив МАЭС ТГУ. Фонд № 678-1. «Этнографическая экспедиция ТГУ в Хакасию, Ужурский и Шарыповский районы Красноярского края. Август 1973 г.». 51 л.

Архив МАЭС ТГУ. Фонд № 682-3. «Этнографическая экспедиция ТГУ в Хакасию. Июль-август 1976 г.». 78 л.

Архив МАЭС ТГУ. № 679-3. Тетрадь № 3 «Этнографическая экспедиция ТГУ в Ужурский район Красноярского края, Ширинский и Орджоникидзевский р-ны Хакасии. Август 1973 г.». 18 л.

Архив МАЭ РАН (Кунсткамера). Ф. 5. Оп. 6. Д. 20. «Н. С. Тенешев. Хакасские легенды. Как коростель спас землю, солнце и луну». Октябрь, 1957 г. Л. 60–72.

Материал поступил в редколлегию 19.03.2013

V. A. Burnakov, D. Ts. Tsydenova

THE SUN IN THE TRADITIONAL WORLD KHAKASSES (FROM THE END OF XIX MID XX CENTURY)

The article is devoted to the reconstruction of mythological beliefs Khakases. Human life of traditional society was completely dependent on the surrounding nature. Throughout the centuries, through empirical experience, he was able to adapt to different environmental conditions. In this process, the emphasis was on the observations of many natural objects and phenomena. Among them was given the key to the sun. It is a natural source of light and heat. The sun is the main measure of space and time. Were convinced that the way of life on earth is based on rhythms of the sun. Correlated with the solar cycle of economic and other activities. Rational beliefs about him were inseparable from the irrational. The space object was perceived as a human being endowed with the highest sacred force. The image of this saint in touch with the general ideas of fertility, prosperity and harmony. This contributed to a regular, and often – ecstatic worship her. They believed in the ubiquity and persistence of the sun. It has had a decisive influence on the formation of the ritual practices associated with the views of the life and death of a human, soul, destiny, wealth, justice, etc. These factors high symbolic and functional status of the sun in the culture of Khakassia.

Keywords: Khakas, beliefs, myth, ritual, sun, moon, man, shamanism, spirits, destiny.